

Галия Асан

**По ту
сторону
баррикад**

Галия Асан

По ту сторону баррикад

«Издательские решения»

Асан Г.

По ту сторону баррикад / Г. Асан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960340-1

В этой книге история жизни девочки, родители которой стали террористами и погибли в ходе антитеррористической операции. Что стало с ней дальше? Изменилась ли ее жизнь после того дня, когда весь ее мир был разрушен? Какой она была и какой стала? Перед вами история, полная трагичных событий и переживаний. В ней мое желание показать, что и по сторону баррикад стоят люди. Обычные люди.

ISBN 978-5-44-960340-1

© Асан Г.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Штурм	6
Глава 2. Хасавюрт	10
Конец ознакомительного фрагмента.	20

По ту сторону баррикад

Галия Асан

© Галия Асан, 2018

ISBN 978-5-4496-0340-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

19/12/2018

Слово автора

Я написала эту книгу, чтобы рассказать вам историю одной жизни. Жизни, о которой можно не думать, не замечать, убеждать себя, что такого не бывает только потому, что это не происходит с тобой или с близкими тебе людьми. Это история ее жизни, той девочки, которую я увидела мельком по телевизору в одном из очерков о террористических действиях на Кавказе. Мне стало интересно, а что стало с ней дальше? Изменилась ли ее жизнь после того дня, когда весь ее мир был разрушен? Какой она была и какой стала? Перед вами история, полная трагичных событий и переживаний. В ней мое желание показать, что и по сторону баррикад стоят люди. Обычные люди, такие же, как и мы с вами, которые живут, спят, едят, любят, чувствуют, умирают. Возможно, она покажется вам провокационной лишь потому, что о таких вещах редко пишут. Этому не посвящают передач, не делают очерки, ведь как только основное действие заканчивается, зрители расходятся, а главные герои остаются один на один со своими жизнями. Так осталась и она. Я ни в коем случае не оправдываю ни идеологий, ни образов мышления, я лишь рассказываю вам ее историю. И этим я оправдываю человека и его право ошибаться и меняться. Все в этой жизни относительно.

Глава 1. Штурм

Мама бегала по комнате, она явно была встревожена. Я никогда не забуду ее глаза – они были большие и наивные, да, она верила, что сегодня попадет на небеса, но человеческий страх был ей не чужд. Брат мой тоже был там, странно, потому что его глаз я совсем не помню. С мамой были еще пару женщин. Они молились, и по их лицам можно было понять, что они не хотят умирать. Я тоже этого не хотела, мне было всего семнадцать, я только оканчивала школу, где в последние два года появлялась не так часто. Да мне это и не надо было, там учили неправильно, были предметы, совсем не подходящие правоверным, такие как музыка и рисование. Какой ужас! Как я могла ходить на такие предметы! Как я вообще могла спокойно сидеть в классе, наполненном чужими парнями! Слушать никому ненужные истории о жизни людей, не имеющих к моей никакого отношения. Странно, но в этот момент предстоящей смерти я думала о пропущенных в школе предметах. Как будто именно они и определяли сейчас мое будущее. Мои младшие сестренки тоже были с нами. Они явно не понимали происходящего, и мне так не хотелось, чтобы они погибли сейчас, в самом начале их жизни, но изменить predetermined нам, мы не в силах.

– Мама, – обратилась я, – что будет с нами?

– Ничего не бойся, сегодня мы уже будем в Раю, – заверила меня мама и вручила в руки мобильный телефон, – вот, будешь снимать все на видео, потом передадим.

Зачем надо было снимать нашу смерть на видео, я не понимала, но если мама так сказала, то отпираться не имело смысла. Было тихо, и ничто не предвещало пришедшего позже разгрома. Я подошла к окну и слегка отдернула занавеску. Я увидела то, от чего задрожали руки, поджилки затряслись, и страх пронзил всю меня.

– Отойди от окна! – крикнул брат.

Он оттащил меня, но страшное видение все еще стояло передо мной. Танк был направлен на наш маленький домик, люди в камуфляже с оружием в руках стояли перед нами. Люди в камуфляже всегда ассоциировались у меня с чем-то плохим, это шло еще с детства, даже когда мои родители не имели таких убеждений как сейчас, и после того, как они убили моего отца, я еще больше убедилась в их испорченности. А теперь эти люди хотели убить меня. Убить. Эти люди ненавидели меня, раз хотели лишиться жизни, дарованной мне Всевышним.

– Ханифа, ты не должна ничего бояться, – мама взяла меня за руку.

Но я боялась. Смерти. А что будет со мной потом? Что это такое – никогда в жизни не увидеть снова солнца, не услышать, как по утрам щебечут птицы и закипает чайник на нашей печи? Вдруг зазвенел телефон. Мы все вздрогнули, нас было семеро, если не ошибаюсь: мама, я, мой брат, две младшие сестры и две мамы подруги. Мужчин, кроме моего брата не было, и я, вдруг, приободрилась тем, что мы – четыре слабые женщины, защищаем свою честь от до зубов вооруженной сотни мужчин в камуфляже.

– Кто там? – спросила мама, сжимая мобильный телефон в руках и включив громкую связь.

– Это я, Марьям, – это была наша соседка, – отпусти детей, Зайнап. Они просят, чтобы ты отпустила детей.

– Зачем им мои дети?

– А зачем им умирать? Они не тронут их, они будут жить у твоей тети.

Я видела, как колеблется мама, она посмотрела на нас.

– Я никуда не пойду! – громко сказал брат, ему было тогда почти шестнадцать.

– Сын не пойдет, – сказала мама, – я отпущу младших дочерей.

Я удивленно посмотрела на нее, хотя я и не хотела идти к нашим врагам, но то, что мама вот так легко согласна была оставить меня здесь, немного удивило меня.

– Не глупи, а, Зайнап, отпусти всех, они ждут всех.

– Зачем им все?

– Они будут бить меня опять, – сказал брат, – как в тот раз, когда схватили просто так и избили в участке.

– Сына они будут мучить, я не отпущу его, пусть лучше мы умрем и попадем в Рай.

На том конце провода слышались перешептывания, соседка говорила с военными. Они настаивали на том, чтобы мой брат тоже вышел с нами. Я села в уголке и тихо заплакала. Видя мою мать, с подвешенным автоматом на плече и ее подруг я думала о том, что разве для этого были созданы женщины? Чтобы засесть в оккупированном доме и торговаться жизнями детей? Разве для этого была создана армия, чтобы убивать женщин и детей? Я смотрела на своего брата, еще совсем подростка, в глазах которого была ненависть. Своих маленьких сестреноч, которые еще совсем ничего не понимали, им было по пять и шесть лет. И себя. Мне семнадцать, и в момент, когда многие мои ровесники стоят на пороге жизни, я стою на пороге смерти.

– Зайнап, девочка моя, не делай да так, – это пришла тетя Зухра, – отпусти детей.

– Нет, не отпущу! – мама стояла на своем, – я отпущу только маленьких дочек.

– Сына и старшую тоже отпусти, да! Не лишай их жизни, себя-то лишила уже! – причитала тетя, заливаясь слезами.

После долгих переговоров, от которых у меня уже болела голова, возле двери слышались шаги нашей соседки. Она пришла за младшими сестренками. Я не боялась смерти, я знала, куда я иду, я не винила маму и не стала бы оплакивать ее смерть, ведь это неправильно, потому что мы уходим в лучший мир. Когда Мадинку и Хадижку уже забирала тетя, они не плакали, грустно улыбнувшись, они посмотрели на нас.

– Мы попадем в рай, – все твердила мама, словно успокаивая себя, глядя на маленьких дочек, а потом сказала мне, – иди и ты! – она вытолкнула меня в последний момент.

Я навсегда запомню ее взгляд. Он дрогнул. Она, словно сама не поверила себе. И в тот момент снова подарила мне жизнь. Солнце ярким лучом ударило мне в глаза, щурясь, я пыталась не упасть с покосившейся лестницы. Я еще чувствовала холодную мамину руку, схватившую меня за локоть и вытолкнувшую на улицу.

– Мама? – я с укором и мольбой посмотрела на нее, я совсем не хотела уходить. Зачем она это сделала? Зачем отдавала нас в руки врагов, когда сама собиралась уйти на небеса?

– Присмотришь за сестрами, – сказала дрогнувшим голосом мама, рядом стояла тетя, она с любовью и жалостью смотрела на свою любимую невестку Зайнап.

Эта сцена могла бы быть обычной сценой прощания на вокзале. Если бы это не был поезд, увезший мою маму и брата в другой мир. Наверное, в тот момент маме представилось наше будущее. Будущее, которое она никогда не увидит. Не вздохнет над нашими двойками в школе, не будет переживать над моими экзаменами. Не увидит ни моего жениха, ни сватовства, ни моего волнения. Не придет ко мне в спальню накануне свадьбы и не скажет последних слов напутствия. Не увидит меня в зеркале и не скажет, какая я красавица. Не к ней я приеду после рождения первого ребенка, не она будет учить меня примудростям материнства. Не будет нянчить внуков и не увидит мое взросление. Этого ничего не будет!

Все, что было дальше я помню смутно: вот мы идем, я держу сестренку за руки. Тетя плачет, соседка ее успокаивает, взрыв, шум, обстрел, еще взрыв. Мамы нет. Брата нет. Кроме этих двух малюток, у меня больше никого нет! Мне хочется обидеться на маму! Я молча кричу: Зачем?! Зачем, мама, ты ушла, оставив меня одну?! Ты сейчас в раю, а я на этой грешной земле. Совсем одна.

– Ах, вай, вай, вай, – причитает тетя, ее глаза не просыхают от слез.

– Не плачь, тетя, не надо плакать, каждая слеза капает на тело моей мамы и брата, раскаленной водой! – пытаюсь образумить ее я.

Тетя смотрит на меня безжизненными глазами. Я глажу ее мозолистую руку. Но плакать не могу. Дом постепенно заполняют женщины. Я никого не знаю, ну, может, узнаю некоторых. С родней мы перестали общаться лет десять назад, тогда отец стал практиковать новый метод в религии. До этого слова Аллаха не звучали у нас в доме.

Отец всегда был борцом: всю свою жизнь он боролся. Сначала с бедностью горского аула в семье, где кроме него было еще девять детей, потом, перебравшись в столицу республики и начав неплохую жизнь предпринимателя, он стал бороться за мою маму, первую красавицу университета, девушку другой национальности, потом боролся за меня, они оба боролись, долго Всевышний не посылал им детей, и, наконец, умер, борцом за веру.

Сейчас я не понимаю, за что именно он боролся? Вокруг все были мусульмане. Моя родня представлялась мне тогда ужасными безбожниками, по рассказам папы, теперь я вижу, он был не прав. Тело моей мамы все же уцелело. Его омыла ее тетя, та, от которой она отказалась ради новых убеждений. Вот с кем я не могла найти общий язык – это мои двоюродные сестры. Они так странно на меня поглядывали. У них были выщипаны брови, на ногтях алел лак. Для меня это было так необычно. Но это ладно. Я не знала о чем с ними говорить. Они совсем не читали Коран, постоянно обсуждали какие-то индийские фильмы и косились на мой капор. На него косились и остальные женщины, что-то шептали тете, та, была словно в транс. Я, Мадина и Хадижа, сидели в углу – сколько бы не было у нас родни, теперь мы были сиротами. От плача в комнате стоял гул, мне было неприятно. Моя мама в раю, вместе с отцом и братом. Зачем же так убиваться? В комнату вошла женщина, ровесница моей мамы. Очень красивая, большие синие глаза, обрамленные густыми ресницами искали кого-то, ее черные волосы слегка выбивались из под косынки. Я вспомнила ее – это была давняя подруга мамы, жена ее единственного брата Рустама, тетя Фатима.

– Ханифа! – ее глаза устремились ко мне, впервые за эти дни я увидела радость в чьих-то глазах, – ты меня не узнала? – спросила она, сев рядом с нами.

– Тетя Фатима? – я тоже улыбнулась.

– О, моя родная! – она обняла меня, и я ее тоже, – ты еще помнишь меня! С тех пор, как твой отец запретил мне видеться с твоей мамой, прошло столько лет!

– Десять, – уточнила я.

– Ты совсем взрослая! Невеста уже! Женихов нет?

Я смутилась. Разве о таком говорят? Тем более в день похорон.

– А этих крошек я и не видела, – она погладила по головке сестренки.

Словно опомнившись, она встала и подошла к тете, обняв ее и соболезнуя ей. Не смотря на свой возраст, двигалась она быстро и бойко. Было видно, что она не привыкла уступать, но что-то тревожило и ее. Я медленно встала и подошла к окну. У ворот собрался мужской тазият. Я совсем не знала этих мужчин – все они мои родственники, о которых я никогда не слышала. Конечно, здесь была только родня мамы, отцовские жили в горах, где я была еще ребенком, и от которых у меня остались смутные воспоминания. После смерти отца, мать перестала навещать свекровь и свекра, ей претили разговоры о ее неправильном вероубеждении, она просто отдалилась. От всех. И от меня.

– Решено, я забираю вас к себе, – сказала тетя Фатима.

Я удивленно посмотрела на нее.

– Видишь того парня в джинсах, – она указала вниз, – это твой двоюродный брат, Исмаил, он старше тебя на год, мы ведь с твоей мамой почти одновременно вышли замуж. Я за твоего дядю, она – за горячего горца, – тетя усмехнулась, – а это твой дядя, – она показала на мужчину рядом с Исмаилом.

Дядя Рустам. Сколько слышала я о нем от мамы. Мама любила брата до безумия, но и от него пришлось отказаться, ведь он был работником правоохранительных органов!

– У меня никогда не было дочери, а теперь я буду растить дочерей своей сестры, – с грустью сказала Фатима, – могла ли я такое представить, и впервые за этот вечер у нее на глазах заблестели слезы. Она поцеловала нас троих.

И я мысленно обратилась к маме с убеждением, что все еще будет хорошо. Если кто-то будет нас любить, мы справимся. Ведь любовь – единственное чувство, способное вернуть человека к жизни. А мне совсем не хотелось жить. И это не было секретом. В тот роковой день штурма и моя жизнь оборвалась. Единственное, что удерживало меня от самоубийства, это то, что это было одним из самых больших грехов. Непростительный грех! Убить себя! Лишить себя жизни! Посягнуть на жизнь, когда не ты ее дал себе. Мысли об этом возвращали меня в унылые будни этого мира. Мама часто повторяла: «Делами в мирском, а мыслями в вечном». Да, теперь я понимала ее сполна. Каждый день я просыпалась с мыслью, что если Всевышний сжалится надо мной, то я заболею и умру, и завтра уже не наступит. Но наступало завтра, а потом и послезавтра, так прошла неделя.

Глава 2. Хасавюрт

И неделю спустя мы ехали в дядиной машине в Хасавюрт. Здесь открывалась новая страница моей жизни. Дядя на полной скорости гнал свой мерседес, за окном мелькали столь непривычные мне пейзажи, ведь за семнадцать лет я ни разу не покидала нашего села. Сестренки, изумленные прилипли к окнам. Исмаил поглядывал на нас и смеялся:

- Вы в натуре дикарки! – сказал он с переднего сидения.
- Исмаил! Они в первый раз выезжают из села! – заступалась за нас тетя.
- Из одного села в другое! – ухмылялся он.

Дядя Рустам слегка ударил его по макушке, теперь усмехнулась я. Сколько мы с братом спорили! Ах, как было весело! Если бы Асхат увидел эту красоту. На глаза невольно навернулись слезы.

- Ты что, моя девочка? – удивилась Фатима, – из-за Исмаила обиделась?
- Нет, вспомнила брата, – она поцеловала меня в макушку.

Никогда не забуду этот поцелуй. Он надолго запечатлелся в моей памяти. Так целует мама, любящая, заботящаяся, переживающая за своего ребенка, мама, которая не уходит на войну, мама, которую не взрывает спецназ, мама, которой у меня никогда не будет.

На подъезде в город нас остановили на блокпосту. Дорога была перекрыта. И повсюду люди в камуфляжах. Я, съездившись, натянула свой капор. Тетина рука немного приободрила меня. Дверь со стороны дяди открылась, и в салон заглянул мужчина в военной форме. У него были голубые глаза и светлые волосы.

- Это ваша дочь? – спросил он у дяди, указывая на меня.
- Племянница, – ответил тот, – дочь сестры.
- А документы имеются?
- У меня один документ! – рассмеялся дядя и показал свое удостоверение милиции.
- Извините, майор, проезжайте!
- Вот как у нас дела делаются, – не переставая смеялся дядя. Исмаил немного сконфузился. Было видно ему это не нравилось.

По улицам Хасавюрта мы ехали медленнее, они были такие узкие, и на них было так много машин! Дядя все время ругался, когда ему удавалось не сбить очередного нерадивого пешехода.

Когда мы доехали до дома дяди, солнце уже садилось, я немного занервничала, ведь пришло время совершать вечерний намаз. Дом оказался таким большим, что я не сразу к нему привыкла. Мы жили очень скромно, наш саманный трехкомнатный дом казался жалкой лачужкой, по сравнению с домом дяди Рустама. Может, поэтому родители и не разрешали нам видаться с ними, чтобы мы не завидовали? Единственное, чего я никак не могла понять, это как на жалование обычного сотрудника полиции можно было содержать такие хоромы? Тетя Фатима нигде не работала. Кроме Исмаила, у них был еще старший сын Махмуд. Всех их надо было кормить. Дядя весело улыбался, видя мой восторг домом. А младшие сестрички вообще начали кружиться во дворе, на ровно выложенной плитке, которую мы и в глаза никогда не видели. Мадина нагнулась и провела рукой по красиво высеченному узору.

– Мадинка, ты что! – сказал дядя, – испачкаешься! Не трогай землю!

Испачкаться?! Да тут все сверкало чистотой! Как можно испачкаться о такую красоту? Исмаил все еще ухмылялся, глядя на нашу реакцию. Наконец, из дома вышла женщина лет пятидесяти.

– Познакомьтесь, – сказала тетя, – это наша помощница – Саида, а это мои новые дочери: Ханифа, Мадина и Хадижа. Отныне мы одна семья!

– Одна большая семья, – повторил дядя и обратился к Саиде, – моя одежда готова?

– Да, все готово, Рустам.

– Как, ты уходишь? – веселость тети сменилась беспокойством.

– Да, дела, – сказал он, заходя в дом.

– Хотя бы сегодня! – пыталась уговорить его жена, схватив за руку, одернув ее, он все же пошел переодеваться.

Исмаил еле сдерживал злость, это было видно по его сжатым кулакам. Я испугалась. Что-то творилось в этой семье. За внешним лоском и богатством скрывалась глубокая печаль.

Уже позже я узнала, что Саида была своего рода домработницей, она помогала тете по хозяйству, присматривала за мальчиками, пока они росли, готовила еду.

Скоро мы все уже сидели за большим дубовым столом, накрытым роскошной скатертью. А чего только не было на столе! Точно мы были на свадьбе! Мне было неудобно, ноги Мадинки и Хади качались, нам было непривычно сидеть за столом, дома мы ели, сидя на полу. С каждой минутой, проведенной в этом доме, я скучала по своему. Может, мы и жили бедно, но, по крайней мере, мы любили друг друга. Папа никогда не уходил на ночь, а мама не рыдала, ожидая его до утра. Я все свободное от домашних хлопот время проводила с сестрами, а Исмаил, не обремененный ничем, просиживает часами за компьютером.

Дядя вернулся утром. Я видела. Звучал азан, я готовилась к молитве, когда черный мерседес дяди подъехал к дому. Он не выглядел ни счастливым, ни виноватым, его лицо ничего не выражало. Он просто вышел из машины и вошел в дом. Правда, он заметил меня в окне. Утром, когда все проснулись, тетя с дядей позвали меня на семейный совет. Решался вопрос о моем внешнем виде и о дальнейшем обучении. За то время, что я не ходила в школу, я, наверное, заметно сдала.

– Ханифа, ты не можешь ходить в такой одежде! – серьезно сказал дядя, и я заметила знакомые черты лица, мама тоже так шурила глаза, когда чем-то была недовольна.

– Дядя, хиджаб я не сниму! – твердо сказала я, – мои родители погибли, отстаивая свое право на религию, лучше и я погибну!

– Доченька, ты чего! – смягчился дядя, – я не прошу снимать его, но носи другие цвета.

– Ханифа, мы выберем тебе красивый хиджаб, – в разговор вступила тетя.

– Мне нравится и этот.

– Хорошо, – уступил дядя, – хорошо! Но как ты в школе будешь себя чувствовать? Это тебе не ваша деревня! Здесь как-никак город! – он встал, вены на его висках вздулись, он устал и хотел спать, а уж точно не говорить о моей форме одежды, – как тебя в школе будут воспринимать? У нас такую одежду мало кто носит! – все расплылся он.

– Тебе плохо, Рустам? – в глазах тети отразилось беспокойство и забота, а также... любовь.

Я подумала, как мог он оставлять ее каждую ночь одну, когда по прошествии стольких лет она все же любила его!

В комнату вошел Махмуд. Я улыбнулась. Это был старший брат Исмаила, они были погодки. Вот его-то я помнила хорошо! В детстве, когда я гостила у бабушки, мы так ловко лазили по деревьям, а как мы уплетали незрелую алчу!

– Сестренка!

– Махмуд! – он обнял меня, и я почувствовала, что все же не одна.

– Папе плохо? – спросил с беспокойством он, он был так похож на свою маму.

– Меньше надо по ночам шляться, – послышался за спиной грозный шепот Исмаила.

Мы обернулись.

– А ну замолчи! – скомандовал Махмуд, – о чем вы тут спорите? – спросил он у тети.

– Папа против черного хиджаба Ханифы.

– Пусть ходит, как хочет, она же наоборот одевается, а не раздевается, – с недоумением сказал Махмуд, и я почувствовала, что хоть кто-то здесь меня понимает.

Тетя принесла дяде таблетку и воду, откинувшись на кресло, он сказал:

– Пусть ходит, в чем хочет! Будут проблемы – сама виновата!

Меня не обидели его слова, ведь я и только я была отныне за себя в ответе.

– Но в школу ты пойдешь! Девушке надо быть образованной!

– Рустам прав, – сказала тетя, – окончить школу ты должна.

– Хорошо, – согласилась я.

– А потом устроим тебя в ДГУ, на какой факультет ты хочешь? – спросил дядя.

– А что такое ДГУ? – спросила я.

Все засмеялись, даже Махмуд улыбнулся.

– Неужели в Даге есть люди, которые не знают ДГУ! – удивился Исмаил.

– Это университет, Ханифа, – объяснила тетя, – Дагестанский государственный университет.

– Какой же мне университет! – воскликнула я, – я даже школу не окончила! Я не сдам экзамены.

– Эх, ты глупая, папа все устроит! – сказал Исмаил.

У меня в голове все равно не складывалось, как он все устроит, он же не Аллах, не вобьет же он мне эти знания в голову!

– Ты в натуре, как с луны свалилась, – эта ухмылка Исмаила начинала меня порядком раздражать.

На удачу в этот момент у него в очередной раз зазвонил телефон, и он вышел из комнаты.

– Ханифа, принеси дяде подушку.

Я вышла из зала и направилась в спальню. В коридоре я задержалась, мне стало интересно, о чем и с кем постоянно говорит брат.

– Я... да сегодня, а что телка ничего так? Да я свалю... не вопрос.. да у нас дома сейчас полный..., – донеслись до меня отрывки его разговора, тут, он увидел меня, прикрыл трубку рукой и сказал:

– Тебе чего? А ну проваливай!

– Я? Я не... – запинаясь я. И, словно вспомнив про подушку, я убежала в спальню.

О, Аллах! С кем он говорил? О каких таких телках, и тут мне стало так грустно и обидно за тетю, за ту, другую девушку, которая когда-либо придет невестой Исмаила в этот дом, он также, как и его отец, будет пропадать ночами, а она, также, как и тетя Фатима, проливать по нему слезы. И я подумала, а ведь, скорее всего они не одни такие, и в Дагестане еще сотни таких семей, сотни таких Рустамов и Фатим. Я принесла подушку дяде, и мне так хотелось поговорить с ним о его похождениях, но я не могла. Да и кто я такая? Жалкая сирота, которую он приютил по своей доброте. А может, и не по доброте, а чтобы люди не сказали, что не посмотрел за детьми сестры?

– Ханифа, – позвал меня дядя, – ты что постоянно такая серьезная? Улыбнись хоть раз.

– Жизнь так ужасна, что и улыбаться не хочется.

– Ты права, ты права, доченька, иди, сядь рядом, – я села рядом с дядей, остальные все разошлись по своим делам. Хотя какие у них могли быть дела? Все по хозяйству делала Саида, коров и баранов у них не было, тем не менее, дела находились, – как я любил свою сестренку! – неожиданно сказал дядя, – моя единственная и самая любимая сестра.

– Она вас тоже любила, дядя.

– Любила, пока твой папаша не закутал ее в эту одежду, а вместе с телом закутал и ее душу! И сердце! Она забыла свой дом, забыла, что мы были ее семьей. Если честно, узнав о ее смерти, я сразу решил забрать вас, ведь вы – все, что у меня осталось от сестры, – так вот значит как, дядя сам все решил, – думаю, пока родня твоего отца и вас не увезла, заберу я вас к себе!

– А папины хотели нас видеть? – удивилась я, ведь я ничего о них не знала.

– Хотели! Его пять братьев, сразу как узнали о смерти Зайнап. Но я подключил связи и теперь вы будете жить в более менее цивилизованном обществе. И в достатке! Уж этого-то добра у меня хватает, а кому оно достанется потом? Вам! Все вам! Моим сыновьям и дочерям.

– Но у вас нет дочерей, дядя.

– Зачем ты так? Вчера у меня появились три прекрасные дочери: Ханифа, Мадина и Хадижа, – я улыбнулась. Дядя был добрым человеком. Этого у него не отнять.

– Ты улыбаешься, ты похожа на маму. Ты ведь можешь не носить платок дома?

– Я не уверена, дядя.

– Ну, хотя бы эту черную повязку не носи!

– Хорошо, я попрошу другой платок у тети.

– Ты – умница. Знаю, то, что ты пережила, это очень большой стресс, но мы поможем тебе его преодолеть. Я пригласил психотерапевта, он будет наблюдать вас.

– Но дядя! – я вскочила с места, – мне не нужен врач! Я не больна!

– Конечно, нужен! Десять лет ты росла в обстановке закрытости и отчуждения от общества! Ты находилась в доме, готовящемся к штурму! На твоих глазах убили твою маму и брата! Ханифа, наконец, ты не знакома с жизнью в нормальном обществе.

– В нормальном обществе? Это вы называете нормальным обществом? Приходить под утро домой, когда жена ждет вас всю ночь?! Или вашего сына, готовящегося пойти по вашим стопам!

– Как тебе не стыдно! Ханифа! – Рустам побагровел, так открыто ему никто не бросал в лицо его же проделки.

– Простите меня, пожалуйста. Лучше отправьте меня к родственникам отца в село, – я поняла, что зашла далеко, мне не следовало так говорить.

– Ханифа, никуда я тебя не отправлю. Знала бы ты, как ты сейчас напоминаешь свою маму! Такая же своенравная, твердая, настырная. Хорошо, что они держали вас подальше от этого грязного мира. Но, дорогая, такова жизнь.

– Не говорите мне, что я похожа на маму.

– Почему же?

– Я не хочу потом оставить своих детей одних.

Дядя обнял меня, я чувствовала, что из его глаз текут слезы, но мне он их не показал.

Настал мой первый школьный день. У обычных детей это происходит первого сентября, я же пошла в школу пятого марта. Помнила я и свое первое сентября. Тогда наша сельская школа была заново покрашена, мои длинные волосы мама заплела в две косички, светило солнце, я улыбалась. Тогда мы еще жили в нашем доме в селе и общались с родственниками отца. Моей первой учительницей была сестра отца – Амина. Она в тот день тоже очень переживала – это был ее первый рабочий день в школе.

Сейчас тоже светило солнце. Поверх моего черного капора я повязала зеленый платок, подаренный тетей, я не улыбалась. А зачем? Разве я была рада тому, что все будут коситься на мою одежду, да и похвалиться умом я не могла. Все учителя и директор сочувственно на меня смотрели, казалось, они знали все, что произошло. Однако, я ошибалась, тетя с дядей скрыли все от всех, даже братья не знали подробностей. Это потом я поняла, что все сочувствовали моему хиджабу, не понимая, что выбор был сделан мной самой. Да, мне пришлось очень трудно, учеба давалась мне тяжело. Если математика шла хорошо, то вот с историей и географией были проблемы, ведь я так много пропустила. На переменах я сидела одна под большим деревом во дворе школы. Не знаю, как дядя представлял себе все это. Одиннадцатый класс. Весна. Скоро выпускные экзамены. Я ничего не сдам!

– Ассаламу Алейкум! – рядом со мной села девушка, она тоже была в хиджабе, только белом, ее пухлые щечки напомнили мне куклу, когда-то подаренную бабушкой, ее синие глаза напоминали небо в горах, а алые губы начало зари на горизонте, она была такой красивой.

– Ваалейкум Ассалам! – ответила я.

– Меня зовут Зайнап, – представилась она.

– Как мою маму, – еле слышно прошептала я, – а я Ханифа.

– Очень красивое имя! Ты давно? – она указала мне на хиджаб.

Я не поняла ее вопроса.

– Давно ли я ношу хиджаб?

– Ага.

– Ну с того самого дня, – я залилась краской.

– С какого дня? – все не унималась Зайнап.

– Ну, как узнала, что стала девушкой, – я потупила свой взгляд.

– А родители не против? – удивилась та.

Я хотела сказать, что их у меня больше нет. Но остановилась. Незачем было раскрывать душу перед первым встречным.

– Нет. Они согласны.

– Везет тебе! Еще и черный капор! Меня убьют, если узнают, что я такое надела. Но мне и белый нравится, конечно, мама против, да и папе не очень нравится.

Я была озадачена. Только здесь я столкнулась с тем, что родители были против платка. У нас в селе все девушки носили хиджаб! А тут спор из-за несчастного платка!

– Ты всегда одна, – сказала Зайнап.

– Я новенькая, у меня нет друзей.

– Знаю, ты приехала из села?

– Да, – почему всех так интересовало из села ли я приехала, и что это вообще могло значить для них!?

– Да ты не особо разговорчивая, – она посмотрела в сторону, но не ушла.

– В последнее время я люблю быть одна.

– Но это невозможно!

– Почему же? – удивилась я.

– Ты никогда не будешь одна – с тобой Всевышний! – мило улыбнулась Зайнап и пошла к своим подругам.

Я посмотрела ей вслед. Вон они – мои одноклассницы, за неделю в этой школе я уже заметила, что они всегда ходили вместе. Они смеялись, некоторые носили косынки, некоторые нет, они покупали мороженое в киоске за дорогой и долго прогуливались под окнами школы. О чем они говорили? О чем мечтали? Иногда мне так хотелось подойти к ним, поговорить с ними, посмеяться вместе. Но я одергивала себя. Я ведь не такая, как они. Я – другая. Мои родители – террористы. Я хожу в черном капоре. Теперь жизнь моя – это вечная печаль.

Ранняя весна. Как она прекрасна! Жизнь, словно просыпается ото сна, может и мне суждено проснуться? Уже две недели в новой школе. Кроме Зайнап со мной еще никто не говорил. По ее словам все считали меня странной. Оценки стали улучшаться. Теперь я знала то, что было скрыто от меня раньше. В школу и из школы меня возил дядя, а если не успевал, то Махмуд или Исмаил провожали всегда. Одна я не ходила.

Однажды, придя домой с Махмудом я увидела своих маленьких сестричек, резво играющих в саду с новыми куклами, подаренными тетей. Они были такими красивыми. У обеих была белая кожа и голубые глаза, а волосы были просто великолепны! Длинные и темные. Я немного завидовала сестрам, они с таким воодушевлением играли и было видно – они счастливы. Они забыли. А я – нет.

Дома меня ждал еще один сюрприз. Тот самый психотерапевт. Зульфия Романовна. На вид ей было не больше тридцати. Она не оказала на меня впечатления. Как я могу раскрывать душу перед какой-то девчонкой, не больше меня повидавшей на свете, бьюсь об заклад, даже намного меньше меня.

– Садись, Ханифа, – ее голос был таким приятным и успокаивающим.

– Мне не нужен врач, я не больна, – стояла я на своем, но все же села.

– Я знаю, я здесь, чтобы поговорить с тобой.

– О чем?

– О том, что тебе интересно.

А что интересно мне? Мне ничего не было интересно и говорить с этой фифой я не хотела.

– Я тебе не нравлюсь? – мягко спросила она, видимо, увидев мой блуждающий по ее одежде взгляд.

Да, она мне не нравилась! В юбке, не скрывающей красоты ее бедер, в кофте с коротким рукавом, с красивой прической, с накрашенными глазами и помадой нежно-розового цвета. Она была похожа на куклу, с которой играли мои сестры.

– Не знаю, – сказала я.

– Ты уже две недели в школе, но до сих пор не нашла друзей, – все так же спокойно говорила Зульфия Романовна.

– Откуда вы знаете? – удивилась я.

– Читала твою характеристику.

Характеристику? Что это еще такое? Как же было сложно жить в их мире. За тобой всегда следят, оказывается.

– Ханифа, – она улыбнулась, обнажив ряд белых зубов, – я специально приехала из Москвы, чтобы наблюдать тебя.

– Но зачем вам я? – опять удивилась я.

– Вижу, с тобой нужно быть откровенной, иначе я не заслужу доверия, – она пристально посмотрела мне в глаза, собираясь с мыслями, – по телевизору я видела то видео, которое ты снимала, помнишь в день штурма, его изъяли, а потом показали по новостям. И я видела тебя, видела твоих сестер, видела, как вы, сбившись в угол сидели на скамейке с испуганными лицами. Я дала себе слово, что найду вас и помогу, чем смогу. Я психотерапевт, я могу помочь.

– Мне не нужна ваша помощь! – я вскочила, опять вспомнив тот день, я уже не могла себя контролировать, – уходите прочь! Единственное, что мне нужно, это моя мама, а ее не вернуть! – слезы хлынули из моих глаз, слезы, которые я столько сдерживала со дня той проклятой трагедии. Слезы отчаяния, горькие слезы потери.

На мой крик прибежали дядя с тетей и Исмаил с Махмудом. Я не знаю, что было дальше, я отключилась, проснулась я уже на следующий день, а я так надеялась, что это будет следующая жизнь. Солнце светило прямо мне в лицо. Я слышала плеск воды и детский смех. Мне вдруг показалось, что я снова дома. Я закрыла глаза и сразу вспомнила тот весенний день.

Хадижке был годик, а Мадинка только родилась. Мама купала ее во дворе, Асхат брызгал водой на Хадижку, папа собирал черешню в саду. Мне было двенадцать, я все еще лазила по деревьям и царапала колени. Все тогда смеялись, все были счастливы. Шел второй год нашего отшельничества от родни, я все норовила выпросить хоть одну поездку к бабушке, но отец был непреклонен. В тот же день он погиб. К нам в дом ворвались люди в камуфляже и пристрелили моего отца на моих глазах. Брат тогда поклялся отомстить за отца. Теперь и он умер.

Я медленно поднялась с роскошной кровати, усыпанной множеством подушек. У меня была своя собственная комната! Дома мы все спали в одной спальне. Мне не показалось, со двора действительно раздавался детский смех и плеск воды. Это тетя поливала цветы в саду, а Хадижка с Мадинкой носились вокруг нее. Рядом на качелях раскачивался Исмаил, как обычно, болтая по телефону. Увидев меня, он радостно помахал, откуда такая реакция, удивилась я. Отойдя от окна, я увидела себя в зеркале. Я была без платка! Девочка в зеркале напо-

минала мою маму, на которую я все больше становилась похожа. Длинные черные волосы волнами спадали до пояса, черные глаза, обрамленные густыми ресницами. На туалетном столике лежала тушь, помада, румяна, видимо, тетя думала, что семнадцатилетняя девушка могла бы этим заинтересоваться, но не я! Накинув голубой платок, подаренный дядей взамен моего капора, я вышла во двор.

– Ну, ты нас напугала вчера! – воскликнул Исмаил, едва увидев меня.

– Иди, сюда, дочка, – тетя прижала меня к себе и поцеловала, – мы так испугались.

Не знаю, что там тебе наговорила эта Зульфия, но больше она к тебе не придет!

– Нет, тетя, я хочу с ней поговорить. Мне нужна эта терапия.

– Ты точно решила?

– Да. Она не виновата в том, что произошло, видимо, я действительно не здорова.

Тетя обняла меня так крепко, и я знала, меня любят.

В этот вечер дядя остался дома, и Фатима носилась по дому на крыльях. Я была так рада за нее, что хотелось делать только хорошее, думать о хорошем и вообще жить. Я поймала себя на мысли, что мне уже не так сильно хочется умереть. Тиски смерти, преследовавшие меня, потихоньку ослаблялись, выпуская наружу маленькую птичку. Я смотрела на своих сестер и их жизнерадостность еще больше подбадривала меня.

На следующий день к нам в дом пришла Зульфия. Я сразу узнала ее по интересному запаху духов, которым наполнился весь дом. Прыгая со ступеньки на ступеньку я спустилась в зал.

– Ты хорошо выглядишь, Ханифа, намного лучше нашей прошлой встречи.

– Я чувствую себя лучше.

Она улыбнулась, слегка поправив прическу.

– У вас красивые волосы, – я решила сделать ей приятное.

– Спасибо, дорогая, хотела бы и я твои увидеть.

Увидев мое смущение, она добавила:

– Ведь мусульманке можно показывать волосы другим девушкам, тем более в своем собственном доме.

– Откуда вы знаете это? – удивилась я ее познаниям в нашей религии.

– Ты думаешь, я неверующая?

– Ну.., – я запнулась. Как сказать человеку, что он неверующий и будет гореть гореть за это в аду?

– Я верю в Аллаха, – спокойно сказала она, – молюсь, держу пост, просто я не ношу платок, как и большинство девушек в Дагестане.

– Вы хотите сказать, что мои одноклассницы тоже мусульманки?

– Конечно! Дорогая, просто у всех разная степень веры.

Я не могла этого понять и принять, отец всегда говорил только ультиматумами: либо ты с нами, либо против нас. И мама его поддерживала. Но что же я вижу здесь?

– Давай, Ханифа, расскажи мне о себе.

– А что рассказать?

– Что ты любишь? Твои любимые книги, фильмы, стихи?

Не знаю, поняла ли она по моему озадаченному взгляду, видно, что нет, что у меня не было ни любимых фильмов, ни стихов, ни всякой этой ерунды. Моей единственной любовью были мои брат и сестренки, мои родители.

– У меня их нет.

– Но что-то любимое должно быть? – задумчиво сказала она и что-то черкнула в своей записной книжке.

– Моя семья, от которой осталась половина. Мои сестры. Я люблю запах свежее испеченного хлеба дома, когда отец возвращался с базара, а мама варила нашу любимую кашу из кукурузной муки. Я люблю звук дождя по крыше, когда сидишь дома с братом и пьешь ароматный чай. Люблю смотреть на голубое небо, на звездное небо и рассказывать сестренкам о Всевышнем.

Зульфия не перебивая слушала меня, не знаю что произошло, но на этот раз пришла ее очередь плакать. Может мои слова всколыхнули в ней забытые чувства, а может, ей всего лишь было жаль девочку, у которой не было даже любимых стихов. Так или иначе, наш сегодняшний сеанс был завершен. Она ушла.

– Махмуд, – вошла я в комнату к брату, – у тебя есть любимые фильмы?

– Да, конечно.

– А стихи?

– Есть парочка.

– А книги? – не унималась я.

– Есть, Ханифа!

– А у меня нет, – грустно сказала я.

– Не расстраивайся из-за этого, пусть мои книги станут и твоими, – вот за это я всегда любила Махмуда, он всегда протягивал руку помощи. К тому же он был единственным в семье дяди, кто совершал пятикратный намаз. Ну, не считая меня, естественно.

На следующий день я опять пошла в школу. Дядя довез меня до ворот, сказал быть хорошей девочкой и уехал на работу. Уже три недели прошло с моего первого дня в школе. И я решила завести подруг. Ко мне подошла Зайнап.

– Ассаламу алейкум! Как ты?

– Ваалейкум ассалам, хорошо, а ты сама как?

– Ого, ты интересуешься моими делами, – она закатила свои красивые глаза.

– Ну да.

– Гордость исчезла?

– Какая еще гордость? – удивилась я.

Поняв по ее взгляду. Что все считают меня гордячкой, я решила исправить это.

– Я совсем не гордячка! Мне просто трудно с вами.

– Потому что ты из села?

– Что вы все заикнулись на этом селе? Да, я из села.

– Я думаю, ты хорошая. Слушай, ты умеешь хранить секреты?

Секреты? Мне никогда не приходилось хранить секреты! Разве что только один раз. Это было в прошлой школе. Моя подруга Нармин рассказала мне, что стала девушкой, но из-за того, что она не хотела надевать платок, она скрыла это от родителей. Я тогда сдержала секрет.

Но, видимо, нашелся тот, кто все узнал, и вскоре Нармин пришла в школу в черном платке. Нам было тринадцать, она была первой, кто надел черный капор у нас в классе. Уже позже родители стали отправлять в школу девочек в платках с самого первого класса, чтобы было не так трудно. Мне было не трудно, я так ждала этот момент! Я мечтала о платке, ведь сразу, как я его надела, ко мне стали относиться с таким уважением. Жаль, папа этого уже не увидел.

- Меня выдают замуж, – выпалила Зайнап и стала плакать.
- Но как? – удивилась я, – ты ведь еще маленькая!
- Ты удивляешься? Я думала у тебя такая же семья.
- Мои родители погибли, семья дяди не соблюдает все предписания, но даже мои родители не отдали бы меня замуж так рано.
- Он мой троюродный брат, старше меня на восемь лет.

Мне было так жалко смотреть на осунувшуюся Зайнап. Если раньше она весело щебетала со всеми, могла даже спорить с мальчишками, то тут она совсем сникла.

– Послушай, – я взяла ее за руку, желая как-то успокоить, она посмотрела на меня таким взглядом полным надежды, что я должна была что-нибудь придумать. Но я молчала и она опустила глаза.

- Надежды нет, – грустно сказала она.
- Надежда есть всегда! Уповай на Всевышнего, делай дуа! И еще кое-что, – мне в голову пришла мысль, – не понравься ему!
- Как это? – эта идея уже заинтересовала ее.
- Ну сделай так, чтобы он отказался!
- Ты что Клона насмотрелась что ли? – усмехнулась Зайнап, – он старше меня на восемь лет, и что бы я не сделала ему это покажется милым, к тому же с такой внешностью, как у меня, – и она довольно провела рукой по платку.
- Ну, знаешь, что?! Тогда выходи за него замуж, тебе, наверное, именно этого и хочется!
- А ты не хочешь замуж? – уже спокойнее спросила Зайнап и глаза ее заблестели.
- Замуж? Нет, не сейчас.
- Но ты только представь – твой муж, вы все время вместе, он смотрит на тебя с любовью, говорит, какая ты красавица, целует твои руки, лицо, губы!
- Зайнап, перестань! Ты что такое говоришь! – я готова была провалиться от стыда и обернулась, не услышал ли нас кто, но рядом, к счастью, никого не было.
- А что? Это жизнь! И спасибо тебе.
- За что?
- Теперь мне не так страшно выходить замуж. Зато у нас есть секрет, – она подмигнула мне, как будто я должна знать, что это может значить.
- А это значит, – словно прочитав мои мысли, сказала она, – что теперь мы подруги!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.